

Владимир Митюк

**Миссия
сострадания**

Владимир Митюк

**Миссия сострадания.
Нескромные новеллы**

«Издательские решения»

Митюк В.

Миссия сострадания. Нескромные новеллы / В. Митюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965286-7

В настоящем сборнике представлены произведения автора, написанные в разные годы в жанре лёгкой остросюжетной эротики. Иногда автор балансирует на грани. Но кто может определить эту грань и взять на себя ответственность? Иногда приходится быть жёстким, в зависимости от обстоятельств, в которые поставлены не герои, но персонажи. Действия новелл происходят в Санкт-Петербурге, в знаковых для многих местах. Узнаем их, узнаем себя...

ISBN 978-5-44-965286-7

© Митюк В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вы проиграли, с вас – чашечка кофе	7
Бедная Слава	9
Возможны варианты	13
Эстонский вариант	19
Павловск	22
Перманентное убиение М	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Миссия сострадания Нескромные новеллы

Владимир Митюк

© Владимир Митюк, 2019

ISBN 978-5-4496-5286-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Пришло время собрать в книгу ряд произведений, написанных в жанре остросюжетной эротики. Впрочем, меня больше интересовали мотивы персонажей, их действия, порывы. Что бросало их в объятия другу друга? Не всегда удаётся найти однозначный ответ, да и нужен ли он?

И кто скажет, положив руку на сердце, что у него не было подобных ситуаций, хотя бы на уровне фантазий? Надеюсь, необычные повороты сюжетов не оставят читателей равнодушным.

Все произведения опубликованы ранее на интернет-ресурсах, а также в журналах «Сфинкс» (СПб), «Зарубежные задворки» (Германия), сборнике «Невская перспектива» (СПб), а также в авторских сборниках, изданных в Санкт-Петербурге и Торонто.

Здесь – обновлённые версии. Жизнь идёт...

Вы проиграли, с вас – чашечка кофе

Мы сидим напротив друг друга в маленьком зелёном скверике. На раскачивающихся скамейках, призванных изображать качели. Она пришла первой. Я: – «Не помешаю?» – Она не удосужилась ответить, лишь кивнула.

Открываю баночку колы, делаю несколько глотков. Женщина – у неё своё, не обращает на меня внимания. Но мне не оторвать глаз от её золотистых ножек, ровных коленок, которые она и не задумывается прикрыть. Что ж, много непонятных ситуаций, сейчас прикончу баночку и поеду дальше.... Но меня что-то останавливает...

– можно наказать неправильного любовника.

Она говорит в пространство, как бы продолжая вслух незаконченную мысль.

– ?

На меня, наконец, обращают внимание, но не больше, чем на стенку.

– Например, серёжка. Её можно невзначай обронить где-нибудь на кресле, а жена – она заметит всё. Или... – она раздумывает, – высморкаться в салфетку.... И незаметно бросить рядом с диваном.

Ничего не понимаю, слова обращены не ко мне.... Но – требуется что-то сказать, если я, пусть виртуально, но рассчитываю погладить бесподобные коленки. И не могу отвернуться.... И – тупо:

– А серёжки не жалко?

– Молодой человек, – меня, наконец, восприняли, – вы что, думаете, у женщины нет непарной серёжки? Мало ли где обронила.

Меня заводит:

– Ну и что? Серёжка, цепочка....

– А вот вы покраснели, я вижу, что сталкивались с подобной ситуацией?

Надя, Вера, Люба – мочалки любят метить территорию, если предметы туалета нахожу, и утилизирую, но.... Надо бы навести ревизию...

– Вот, видите, вы проиграли, с вас – кофе....

Мы перемещаемся в кафе на другой стороне улицы, я делаю заказ.

Она медленно прихлёбывает кофе, и не притрагивается к буше.

– ?

– Меня сегодня, перед тем, как..., вы понимаете, будут кормить до отвала, так что...

– Но как, на полный желудок? По моим представлениям, поесть нужно потом, и немного, – но вопрос задан.

– А Вас это е...?

Конечно, нет, но я по причине своей молодости, считаю необходимым ответить, не обращая внимания на столь риторическую фразу:

– Да, пусть я не имею права....

Заказываю ещё по чашечке кофе по космической цене, я способен.

Молчим, говорить не о чем.

– Всё, сейчас за мной приедут.

Да меня доходит, я, на автомате:

– А вы уже заготовили серёжку и салфетки? Или можно подгадать крупнее?

– Ты не понимаешь. Именно мелочь может вывести, достать, пусть думает и боится.

Женщина растёгивает кожаную сумочку, ей нет необходимости демонстрировать. Но я понимаю.

Не могу измерить свой пульс, но чувствую, он зашкаливает. Мне безумно нравится эта женщина! Она нужна мне! Но я не в состоянии произнести ни слова. Надо что-то предпринять,

но я будто связан невидимыми нитями. Визитная карточка – на всякий случай. Она механически запикивает её в сумочку рядом с мобильным... Надежда?

Навороченная иномарка увозит женщину, но перед тем она успевает махнуть рукой – то ли знак одобрения, то ли... не знаю. На душе хреново, кажется, всё пропало.

Покупаю квас, он ужасно противный, минеральная вода, набранная в лучшем случае из водопровода.

Выбрасываю недопитую бутылку в урну, перехожу на другую сторону улицы, сейчас поеду, включу компьютер, поеду в Google. Но ничего не найду. Потому что не знаю, искать-то что? Кого? И чувствую себя полнейшим кретином. Струсил, не решился. Трудно признаться себе, но это именно так.

Бесцельно хожу по квартире, нарезаю круги. Не знаю, куда деть себя. И знаю причину. В половине двенадцатого – звонок.

– Это я. Не возражаете, если я сейчас приеду?

Шум в голове, руки дрожат так, что телефон чуть не выпадает из них. Понять, кто звонит, нет необходимости, именно этот звонок я ждал.

– Конечно, а как же. Встречу. – Я с трудом сдерживаю нетерпение, стараюсь, чтобы голос не слишком дрожал.

Возраст, особенно женщине, даёт неоспоримое преимущество, но мне – новый опыт. Хотя на фиг кому он нужен, ситуации не повторяются.

Те же коленки напротив, только немного другой антураж. И более свободные в своем движении – влево – вправо, гимнастика, или неосознанное предчувствие?

Два кресла, разделённые журнальным столиком.

– Он – сволочь.

Иного я и не мог предположить. Но с языка слетает:

– А у вас есть запасная серёжка?

... сначала я получаю по физиономии. Но не возражение со стороны коленки.

А её бельишко точно пополнит мою коллекцию. У каждого – свой пунктик.

Или не пополнит, если она решит задержаться. Тогда я выброшу все прежние device, и буду очень стараться, женщина прекрасна, и знает это. Но к чему это я? Не могу понять, что со мной, мысли растекаются, но я уже люблю её. И эта коллекция мне на фиг не нужна...

Женщина ничего не боится, и даже не плачет. Внимательно смотрит на меня. И почти незаметно качает головой в знак согласия.

Серёжки – в огромной ракушке, я их принципиально пересчитал и опустил занавес.

Бедная Слава

1

Мне трудно объяснить, когда это началось. Вру, всё было predetermined. Изменить маршрут от метро до конторы – да, есть несколько вариантов, но они ограничиваются.... Можно сразу же перейти Лиговку, или дойти до Октябрьского. Всё зависит от того, зелёный ли свет светофора. Да, я выхожу из метро, на машине пробиться невозможно, понятие часа пик весьма условно, ибо он всегда.

Работа начинается в половине девятого, но у трудящихся есть люфт – плюс – минус минут пятнадцать, скидка на транспорт и пробки. Собственно, меня это не касается, мой рабочий день не регламентирован, клиенты не приходят раньше десяти, но я люблю приходить рано.

Сентябрь. Люди после отпуска, ещё не слишком усталые, и некоторые весьма привлекательны. Но я не реагирую, поездка в метро не стимулирует к восприятию новых впечатлений. И дорога привычна. Правда, есть несколько вариантов – идти по Лиговскому проспекту, перейти его возле Октябрьского, затем.... Обходишь его слева, справа, потом неизбежно выходишь на Греческий проспект. И до улицы Некрасова. А если сразу перейдёшь Лиговку, возле гостиницы и буквоеда, то тоже, после второй Советской, всё одно оказываешься на Греческом. Идёшь себе мимо обновленной детской больницы имени Раухфуса, идеальный цвет для тупой питерской погоды.

Я действую автоматически – зелёный – перехожу проспект, красный – топаю прямо, до зала.

Привычно – большинство встречных также спешат, и что мне до них? Мне надлежит быть в форме, и я иду, не задумываясь о маршруте.... Достало, да? Но без бытовых подробностей сложно.

Ежедневный утренний променад, что хорошо – разминаешься, навстречу – те же, почти знакомые лица.

Фиксирую в памяти, они, подозреваю, делаю тоже. Homo sapiens, однако... Впитываемые и забываемые тотчас же впечатления.

И вот.... Она почти промчалась мимо... Светленькая, в курточке и джинсах, кроссовки, сумочка через плечо. И застряла в неведомой ячейке памяти. Второй раз, через несколько дней.... И мне было сложно не обернуться – динамика, курносый нос, почти моего роста.... Внутренний переключатель щелкнул.

И на следующий день я старательно подбираю время, но её нет. Мы разошлись во времени, тривиальное объяснение. На работе отмечают мою рассеянность, лишь к обеду я, пообщавшись с клиентами, прихожу в норму.

Чушь, мало ли кто встречается по пути. Толстые, стройные, спешащие или монументально шествующие, авто, из которых выгружают детишек элитной гимназии, девушка в инвалидной коляске, которую вывезли подышать воздухом. Она накрыта тёплым клетчатый пледом, только руки вцепились в ручки. Иногда я останавливаюсь возле неё, смотрю в глаза и поглаживаю руку. Но та не реагирует. Для неё ни я, ни мир не существуют.

Я понимаю, что ничем не могу помочь бедняжке, и никто.... Вздыхаю, иду дальше.

А сегодня несчастной нет, а я, с маниакальной надеждой, жду другую.... Увижу ли я её? Да, куда ж мы денемся. Но почему её не было раньше?

В середине месяца потеплело. Два, нет, три дня подряд мы пересекались на проспекте. Удивительно – почти в одном месте. Я набираюсь смелости и оборачиваюсь – один, два раза. Она джинсах и простой курточке, made in China, почти моего роста.... Остановить? Но мы спешим....

И она – в короткой кожаной курточке, курносенькая, светленькая, сменила джинсы на юбку. Я невольно оборачиваюсь – накаченные, стройные ножки, идеальной пропорции. Невысокие каблуки лишь подчёркивают, искусственно увеличивать их длину нет необходимости... Меня в первый раз пререзает – неужто некто имеет возможность, не подозревая об уникальности, разместиться между ними?

Следующий раз я встречаю её через два дня, разрешаю себе задержать взгляд – она уже прошла.

И замечаю некую, непостижимую закономерность – мой тонус повышается, и, казалось бы, неразрешимые задачи оказываются не такими уж и сложными...

Но хорошая погода сменяется осенью...

Иногда мы встречаемся, через некоторое время я понимаю, что каждая встреча с ней тонизирует меня, и тщетно пытаюсь объяснить.

Подгадать время практически невозможно, но почти каждый день... И на том же месте.

Во вторник, или среду – разве имеет значение день недели, я вижу, как она переходит Греческий...

И уже почти могу вычислить дом...

Но почти безучастно прохожу мимо, загадываю. Могу обернуться не каждый раз...

Она почти ростом с меня, а без каблуков? Я инстинктивно подстраиваюсь под стиль её одежды, но что из того?

Меня колбасит, я начинаю загадывать, что будет, если я встречу её сегодня. Все мысли – только о ней. Но даже это поднимает мой тонус. Всё, завтра, нет, в следующий раз, я решусь...

Я остановлю её, подойду, и скажу:

– Девушка, меня зовут Владислава, можно с Вами познакомиться?

2

В это день – я почувствовала по напряженности поля и пространства, должно было произойти нечто. Я замечала и раньше, что мои ощущения опережают события, голова с утра забита чёрт знает какими мыслями – нужно выглядеть хорошо, неброско, но привлекательно. Увижу ли её, сегодня?

И не выдержала, и обернулась. И – мы встретилась взглядом. Да, теперь светает поздно, ещё темно, прохожие проплывают мимо друг друга, не кивают друг другу – как-то не принято, зря, хотя, подозреваю, многим это уже неудобно. Мужчины – те иногда кивают, женщинам сложнее. Но мы обернулись одновременно. Мгновение, куда уж. Покрутить пальцем у виска? Каждый следующий шаг разделяет нас. Но желание возрастает, и я не представляю, как смогу с этим справиться.

Я прихожу раньше коллег, в кабинете – одна, наедине с компьютерами.

Заглушаю инстинкт, кофе, сигарета, работа. Получается не всегда, а сегодня...

Да, я автоматически раскладываю чертежи, буклеты, копии, план на день, список звонков, тщетно пытаюсь сосредоточиться... Удаётся, или убеждаю себя в этом? Кровь пульсирует, не поддаваясь управлению. Кто бы...

Через час спускаюсь вниз, в скверик – облюбованное место перекура, почти святое. Но – ручки дрожат, и... Требуется немедленное удовлетворение. Жутко, но страшно и неприятно... Если бы кто-нибудь. Я – в этот миг согласна почти на всё, но ведь никто об этом не подозревает. Даже мой приятель, Z. На большой территории мирно сосуществовало несколько разнородных контор, и мы, вольно или невольно, пересекались. А Z? Чем он занимается, я представляла слабо, но, признаться, иногда плакала на его плече. Он утешал, поднимал настроение. Приглашал в кафе, но ни разу ни о чём не намекнул и даже не прикоснулся ко мне. Терпеливо выслушивал мои бредни, и я вообще не знала, что он и как... Только вроде недавно развелся, или мне так кажется?

– Сливка, что с тобой? – что, по мне всё видно? Случайно взял за руку: – Всё будет нормально.

Его невинное прикосновение, даже пожатие руки, – бикфордов шнур. Я мгновенно покрываюсь пятнами да, рыжие, выглядят при этом не очень, покраснела. Меня знобит.

– Пойдем куда-нибудь прямо сейчас..., – голос срывается.

Он понял.

– Выходи, я....

Через несколько минут, сославшись на несуществующую причину, и отменив назначенную встречу, я выскочила.... И едва удержалась, чтобы не вцепиться в своего спутника. Как мы перешли проспект, поднялись на какой-то этаж, без лифта, я слабо представляю, и что можно требовать от меня? В подобной ситуации? А он – понял ли? Открывает дверь своим ключом.

Никаких поцелуев, я снимаю куртку, осень, скидываю туфли. Меня хватает разве что выдавить:

– Свет, шторы...

Руки дрожат, я расстегиваю молнию на джинсах, спускаю их вместе с трусиками и колготками, и встаю на коленки на разобранный и застеленный пледом диван. ... Он выдвигает ящик и достаёт.... Нет, не надо, мне необходимо почувствовать всё.

Очнулась.... Я – прикрыта пледом, Z гладит мою бесподобную спинку и выгнутую попку. Тепло разливается по телу.... Я не представляла, что мужчина может сподобиться на такое. А он наклоняется, и целует обе половинки....

А я – я? Думаю не о том, что сотворила.... Вдруг ему не понравятся мои родинки на левой, половинке, или он что-то не тот подумает. Меня бросает в слёзы. Я дрожу, и поток не остановить....

– Сливка....

Он не продолжает, – первое произнесённое слово, но поток слёз не остановить.... Он же находит способ, переворачивая меня.... Содрать кожу? Я – абсолютно голая, а он – разве друг? Друг. Он очень нежен. Поимел, воспользовавшись.... Вру, об этом я не задумываюсь. Сознание пререзает – в два у меня важная встреча, но я не в состоянии....

– Не смотри....

Он уходит курить на чужую кухню....

А мне надо привести себя в порядок, даже падшая женщина должна стараться выглядеть на отлично.

Сажусь на банкетку напротив трюмо.... Что за физиономия! Не слетевшая похоть. Видок ещё тот.

Чужая косметика, тени, платочки, гели, кисточки. Помада. Всё, я. Нет, неотразимо привлекательная, забыла даже свою сумочку. А, вот она, брошена на пол. Так, что ещё здесь?

Взглянула в зеркало. Отражение отреагировало – и увидела лежащую на трюмо фотографию – редкость в наше время. Но я не могла не узнать.... Опять дрожь в коленках, а мне казалось, что уже почти пришла в себя.

– Кто это? – я не удержалась.

– Моя сестра, – честно соврал он, но чего иного я могла ожидать?

– А мы вернемся сюда, сегодня, после работы? – Какой уж тут самоконтроль, вылетает на автомате.

Я опять откровенно предлагаю себя, один раз вроде бы не в счёт... Он показался мне рассеянным, не отвечал, задумался. Мы стояли на переходе, пропуская поток машин.

Суворовский проспект, знаете, основная магистраль. Как он ответит? Меня снова бросает в дрожь. Он сжимает мои пальцы.... О чем думает? Коллеги наверняка что-то заметят, будут расспрашивать. Или так и отпустит, гуляй, мол? Коль приспичило.

– Да, то есть, нет.

У меня подкосились ноги, хорошо, что мы успели перейти по зелёному. Я даже не смогла спросить, почему. И, дура, разве раньше не замечала? Они ведь похожи! Выдавила, мы уже подходили к с интересом наблюдавшей за нами вахтерше:

– Ты её любишь? – мое сознание отключилось, автоматически выбрасываемые слова не имели значения.

– Сестру?

Мы остановились. Развернулись, и пошли обратно. А как же – горел зелёный свет.

Возможны варианты

До прихода электрички оставалось минут десять, и Кирилл, поставив на перрон выдавший виды рюкзак, лениво покуривал. В этот ранний час, когда солнце ещё не успело дать жару и только ласково гладило лазурное небо и всё, под ним находящееся, на перроне было довольно-таки много народу – в основном, люди ехали на работу – до города минут сорок. Две симпатичные девчушки в укороченных мини-юбках и прозрачных кофточках проводжали курсантов, возвращающихся после увольнительной. Они весело щебетали, а молодые люди снисходительно обнимали их, договариваясь о следующей встрече, и Кириллу стало немного завидно. Он отвернулся и среди прочей публики приметил высокую и очень стройную девушку, стоящую чуть в стороне вполоборота к нему. На ней была тёмная майка, короткие с бахромой светло-кремовые шорты – чуть больше бикини, и легкие кроссовки. Через плечо на длинном ремешке малюсенькая кремовая же сумочка. Когда девушка повернулось, сердце у Кирилла чуть было не остановилось, но тут объявили, что электричка вышла с предыдущей станции, и народ стал кучковаться около предполагаемых мест открытия дверей. Опаздывающие пассажиры припустили по навесному пешеходному мосту. Кирилл снова посмотрел вправо – девушка спокойно стояла на том же месте, и он понял, что пропал.

Подошла электричка, и Кирилл пошёл в противоположную сторону, но... Случилось так, что девушка вошла в этот же вагон, но с противоположной стороны, и их места оказались напротив друг друга. Поезд тронулся, а девушка встала и пошла по вагону. Кириллу стало жалко, и он посмотрел ей вслед. Если кто-то скажет, что мужчина не рассматривает понравившуюся ей женщину – не верьте! Это противоестественно. И они об этом знают. Кирилл не мог оторвать глаз. Но через минуту девушка вернулась и, чтоб не слишком откровенно взглянуть на неё, Кирилл вытащил из рюкзака читанный-перечитанный детектив и уткнулся в него, но его взгляд постоянно падал на её загорелые ножки и нежные коленки. «Кто она, куда в такую рань? Не похоже, чтоб с дачи или на работу. Откуда же?» Ему было очевидно, что ответа на этот вопрос он не получит, ну хотя бы потому, что не задаст. И не потому, что вид у него непрезентабельный – старые джинсы и раздолбанные башмаки, и небрит к тому же – рассчитывал перед работой забросить рюкзак, с любовью набитый оставшимися на даче родителями, умыться и переодеться.

Он не смог бы вымолвить ни слова и, пожалуй, сдвинуться с места. В голову лезли самые нелепые предположения, а девушка сидела напротив и тоже читала какую-то бульварную газетенку.

Электричка доехала до нужной ему станции, Кирилл вышел, а девушка поехала дальше, в центр.

Потом он ругал себя, что не подошёл, не сказал – а что сказать, но было уже поздно. Тщетно пытался он встретить её – буквально через день мотался на дачу, чем немало удивил и обрадовал родителей, которым раньше удавалось вытащить его на природу с большим трудом, ездил в центр – но, увы. Разве можно найти в таком городе человека, которого-то и искать где не знаешь! Иногда ему встречались, совершенно неожиданно, люди, которых он видел до того ранее – где, он не мог припомнить, и удивлялся этому. Также случайно на Сенной он встретил тещу – бывшую, она недалеко работала, и обрадовался.

Кирилл был довольно-таки сдержанной натурой, и периоды влюбленности у него наступали этак раз в два года. И в один из них – четыре года назад – у него появилась Марина. У неё, по-видимому, это период был несколько короче, и в результате Кирилл остался без жены, но с тещей и выделенной ею отдельной комнатой на Фонтанке. Его же благоверная просто умотала куда-то с лысым квадратным субъектом в малиновом пиджаке и с золотой цепью. И теперь они скрывалась то ли от властей, то ли от своих же кинутых поделщиков. Следу-

ющий цикл Кирилл пропустил, и был теперь вольной птицей. Тёща сочувствовала Кириллу, а дочь называла шалавой. Кирилл же по этому поводу не слишком переживал, а говорил тёще – «Вот на вас, Надежда Александровна, мне надо было бы жениться, а?». Вообще-то говоря, он обычно называл её просто Надеждой, так как она была старше его всего-то на десять с небольшим лет. На что та слегка отшучивалась: «Да стара я слишком, зятёк», хотя самой было чуть за сорок, и она пользовалась бы успехом у мужчин, если бы захотела. Но бывший муженёк-пьяница здорово достал её в свое время, и посему она предпочитала быть свободной. Работы у неё было много, и скучать времени почти не оставалось.

Тёща пригласила Кирилла домой, и вскоре они сидели в старой, с высокими и лепными потолками, квартире и пили ароматный чай с маковым рулетом. «Что ж похудел так, Кирюша. Влюбился, что ль?» – спрашивала Надежда Александровна, а Кирилл только кивнул головой, что означало ни да, ни нет. Потом поговорили на общие темы. Надежда сказала, что от Маринки никаких вестей, то ли здесь где-то обитает, а, может, и за границу подались. «Как будет, привет передавайте». – «Так и ты почаще заходи, не чужой таки». Пообещав, Кирилл распростился с тёщью и пошёл домой. Настроение поднялось, и на душе стало как-то легче.

В выходные Кирилл на дачу не поехал, а решил остаться в городе. Он хотел выспаться и почитать кое-что для работы. Выспавшись и с наслаждением посидев за компьютером, Кирилл пошёл на кухню заварить очередную чашечку кофе – с тех пор, как оно появилось в огромном количестве и ассортименте, он выпивал до десяти чашек в день, и ничего, на сердце не жаловался.

По телевизору шла литературная передача. Кирилл прислушался. Сначала писатель говорил о литературном процессе, о творчестве, о современных тенденциях, о своем пути. Потом заговорили о любви, что было совсем некстати, ибо Кирилл только отвлёкся, но что поделаешь. Ведущий задавал вопросы, стараясь быть максимально бестактным: «А вы сейчас на женщин посматриваете? Ведь много молоденьких и очень хорошеньких, неужели они вас не увлекают?» Вопрос Кирилла покоробил, но писатель ответил достойно: «Ну, посмотрю я, а кого увидит перед собой она – шестидесятилетнего старика. Надо представлять, кто ты есть сейчас». Дальше Кирилл не слушал. «Но я всё-таки в два раза моложе!» И решил, что бы ни произошло, при следующей встрече, на которую он всё же надеялся, подойти к девушке и сказать хоть что-нибудь...

Передача закончилась. Оказалось, что это была встреча с Андреем Битовым, только что отпраздновавшим свой юбилей. Кирилл подумал, что надо бы перечитать «Пушкинский дом», всё равно собирался в библиотеку имени великого русского писателя. Пошёл. К удивлению, нужные ему книги оказались на месте, и вскоре он уже шёл домой, купив в ларьке кассету с новым фильмом со Шварцем. Продавщица уверяла, что кассета лицензионная, Кирилл, хотя был уверен в обратном, спорить не стал. Возле дома он встретил своего бывшего одноклассника Костика. Разговорились, а потом тот предложил: «Слушай, а приходи на поляну, через часок, пузырь погоняем, тряхнешь стариной!»

Футбол затянулся, и Кирилл вернулся домой, когда уже стало темнеть. Какие уж тут занятия! Приняв душ, он удобно устроился в кресле и включил видик. Чтение романа он оставил на электричку. На экране Шварценеггер отчаянно боролся с различными супостатами. Фильм интриговал и приносил отдохновение. Наконец, все враги были повержены, и по экрану побежали титры. Кирилл не стал выключать видик, чтобы кассета по окончании автоматически переметалась, а пошёл на кухню за очередной порцией кофе. Вечер заканчивался хорошо, и он решил лечь пораньше – а было около одиннадцати, посмотреть фильм и почитать в постели.

Но... Как всегда, продавщица обманула – кассета была левая, фильм был записан поверх, и теперь на экране шла какая-то порнуха. «Козлы», – незлобиво подумал Кирилл и собрался

было поставить на перемотку, но что-то остановило его. В отличие от виденных им ранее произведений этого, так сказать, жанра, происходящее на экране поразило своей естественностью. Действующие «лица» наслаждались «общением» и были непосредственны и раскованы. И, что самое интересное, немногочисленные из-за занятости партнеров диалоги звучали на русском языке, и не могли быть дубляжем. «Скажи-ка, – подумал Кирилл, и наши вышли на орбиту!» Действие меж тем продолжалось, его участники были свободны в своих эмоциях и явно получали удовлетворение, и не было ничего наигранного и профессионально-безразличного. Они радовались жизни и то, что их снимают на камеру, только ещё более заводило. Что касается женщин, то Кирилл давно был убеждён в том, что наши несравненно лучше западных, не говоря уж обо всех остальных. Да почти каждая, вне зависимости от возраста и национальности, могла бы украсить собой хоть «Плейбой», хоть «Пентхауз», и без всяких ухищрений. Притом наши необыкновенно терпимы и ласковы, и это при таких-то мужиках!

Размышления Кирилла были прерваны появлением новой девушки, сразу же активно включившейся в игру. Она пользовалась несомненным успехом, с радостью отдавала и получала достойное вознаграждение. Кирилл пригляделся и вздрогнул. Кровь прилила к его голове – это была, а может – он ещё надеялся – та самая незнакомка. Сомнения исчезли после пошагового просмотра. И Кирилл заплакал...

Вернувшиеся с дачи родители нашли его никаким. Мать пыталась растолкать его, а отец только сказал: «Оставь его, случилось что-то, наверное».

Утром Кирилл, с тяжелой и больной головой, пока не проснулись предки, рванул на дачу, купив по дороге жвачку, чтобы прохожие не слишком шарахались от страшного выхлопа.

Окунувшись в уже похолодевшую сентябрьскую воду, он принялся пилить, рубить, колоть копать и таскать, пытаясь выгнать остатки хмеля и прийти в норму. Как ни странно, ему это удалось. Возможно, этому способствовала хорошая погода и внезапно наступившие апатия и безразличие, хотя внутри жгло и сжимало сердце. Утром Кирилл глянул на себя в зеркало, и увидел заросшую физиономию постаревшего тридцатилетнего мужика, скучного и неинтересного. Он решил не идти на работу, а поехать к себе на Фонтанку, и оттуда позвонить шефу.

Именно на Фонтанке он жил некоторое время после развода с Мариной, а потом ему стало скучно, и он перебрался к родителям. Комната же большей частью пустовала. Иногда там собирались его коллеги по случаю многочисленных ныне праздников и дней рождения, а потом Кирилл уходил, оставляя в одиночестве образовавшуюся счастливую парочку. Правда, его посетила как-то раз весьма привлекательная, но слишком активная особа, но, слава Богу, на этом дело и закончилось.

Утром Кирилл несколько припозднился, и поэтому пришёл на вокзал почти к самой электричке. Народу было больше, чем летом – возвратились из отпусков, и начался учебный год. Толпа внесла Кирилла в вагон, рассыпалась и буквально усадила его на свободное место. Он вытащил из пакета – почти ничего с дачи он не взял на этот раз – журнал с «Домом», и начал читать.

Чтение шло плохо и Кирилл, благо его место оказалось возле окна, смотрел на убегающие сосны. Потом он повернул голову и увидел ЕЁ. На это раз она была в легкой кожаной курточке и вельветовых джинсах. Сердце вновь бешено заколотилось, задрожали руки, и Кирилл с трудом заставил себя медленно отвести взгляд и снова уткнулся в журнал.

А буквы прыгали перед глазами и сливались в сплошную линию. Люди выходили на промежуточных станциях и через некоторое время в купе остались только они одни. Кирилл закрыл журнал. Девушка смотрела в окно и думала о чем-то своем. Кирилл, непонятно как набравшийся смелости или, скорее, от отчаяния, чтобы вконец удостоверится, срывающимся голосом полу утвердительно спросил:

– Вы – Ольга!?

Девушка повернула голову, и видно, увидев нечто безнадежное в облике вопрошающего, просто ответила:

– Да, а что?

– И на кассете – тоже вы?

Девушка – теперь он мог её называть Ольга – только усмехнулась легким изгибом губ и отвернулась.

– Неужели... – чуть слышно прошептал Кирилл и обхватил голову руками. Всё. Дальнейшее не имело смысла. «Всё знаю, всё понимаю, но ничего не могу поделать», – вспомнил Кирилл известную сентенцию и убедился в её ужасающей правоте. «Ну почему я не встретил её неделю назад! Тогда бы ничего не узнал!»

Когда электричка подошла к Санкт-Петербургу, Кирилл прервал молчание:

– Но могу я вас увидеть? – сам не контролируя себя, спросил он.

Ольга открыла сумочку и молча протянула ему визитную карточку. Не ней было напечатано крупными буквами ОЛЬГА и номер телефона.

Целую неделю Кирилл лечился трудотерапией – засиживался на работе, подготовил массу отчётов, приступил к новой перспективной разработке. Вечером едва доползал домой, отзванивался родителям – мол, всё в порядке, волноваться не стоит, просто много работы. Утром, наскоро перекусив, опять принимался за дела. И это помогало ему – но в том он, увы, заблуждался, – забыть об Ольге. Визитную карточку он выбросил, но однажды увиденный номер телефона намертво врезался ему в память. Наконец, переделав все дела, в пятницу он не выдержал, позвонил.

– «Маргарита слушает».

– Добрый вечер, будьте добры Ольгу.

На том конце провода чуть помолчали, и потом он услышал: «Женьк, Ольгу не видела? – Эту...? – Ну, её хахаль спрашивает. – Не, на этой неделе не показывалась, то ли выперли, то ли сама смылась. Да чёрт с ней». А в трубку сказали:

– Нет, Ольги не будет. А, может, я на что сгожусь? – и, чуть помолчав – адресок то знаешь? А я тоже всё умею, да и не хуже. – И ехидно засмеялась.

Кирилл швырнул трубку. Его бросало то в жар, то в холод. Он стал задыхаться, хотя в комнате было открыто окно. Быстро схватил куртку и бросился на улицу. Фонтанка встретила его тягучим морозящим дождём, а он всё шёл, не разбирая дороги, подальше от центра. Он не видел красного огня светофора, не услышал и отчаянно сигналившего «Москвича», и лишь в последний миг успел чуть отпрянуть от с трудом тормознувшего на мокром асфальте автомобиля.

В больнице на Вознесенском Кирилла часто навещали. Мать долго плакала, говорила, чтобы берег себя, отец, погруженный в собственные мысли, больше молчал, и лишь перед уходом спросил, не надо ли кому позвонить. Но Кирилл только покачал головой, и тот всё понял. Впрочем, отлеживаться ему не более трех недель – кроме закрытого перелома бедра врачи обнаружили только сильный ушиб головы, и опасались сотрясения мозга. И теперь Кирилл испытывал все прелести лежачего, да ещё с растяжкой, больного. В субботу, когда подозрения на сотрясение были сняты, и Кирилл слегка начал передвигаться на костылях, объявился начальник. Похлопал по плечу, сказал, что хватит сачковать, если с руками и головой всё в порядке, и вручил Notebook. Этому обстоятельству обрадовались соседи по палате и начали усердно, пока компьютер был свободен, резаться в марьяж и тетрис.

Заходила проживающая по соседству Надежда. Она сделала каре, и в тёмно-синих джинсах и наброшенном на плечи пиджаке выглядела просто неотразимо. Соседи позавидовали – это кто, баба твоя? Она брала Кирилла за руку и что-то успокаивающее говорила тихим и мягким голосом, отчего тепло разливалось по всему его телу. И как-то раз принесла любимые Кирилловы блины с черникой в самоподогревающейся кастрюльке. Соседи завидовали, а Кирилл отмалчивался, но однажды сказал: – «Да тёща моя это, бывшая», чему не поверили, а блины слопали с удовольствием. Незадолго до выписки пришла мать и сказала, что они с приедут с отцом и заберут его на машине на Народную – хватит ему одному бедствовать. Кирилл не стал дожидаться и на день раньше ушёл пешком к себе на Фонтанку, благо идти было недалеко. Костыли же он обещал вернуть потом.

Тут перед автором встает поистине неразрешимая задача – закончить рассказ. Наверно, логичным и почти сказочным было бы следующее, не лишённое вероятности продолжение.

Кирилл сидел дома и работал. В его распоряжении был ноутбук, а на днях ребята обещали принести модем и пейджер, чтобы обеспечить Кириллу постоянную связь, благо оставшийся ещё с давних времен в его комнате был отдельный – что теперь редкость – телефон. Иногда Кирилл выходил на угол прогуляться, за хлебом и газетой. Раз в неделю приезжала мать, смирившаяся с отсутствием сына, привозила продукты и готовила. Вечерами заходила ещё более похорошевшая Надежда, они вместе пили чай, смотрели телевизор и вели разговоры о жизни.

Как-то она засиделась допоздна и уже собиралась уходить, но пошёл сильный и октябрьский дождь. Кирилл предложил: «Так оставайся, что зазря мокнуть». – «А как же мы»... – «Так не чужие таки!» – вспомнил он Надеждину фразу, и они оба рассмеялись...

А наутро Кирилл, в который раз поцеловав нежные и ласковые и такие молодые губы, сказал немного робко: «А может, ты совсем останешься?» – И не отпустил её.

Такой финал был бы вполне возможен, если бы Надежда смогла переломить себя и была бы ну хоть чуть менее скованной. Однако жизнь, как говорят, распорядилась иначе.

После выписки Кирилл отправился к себе на Фонтанку. Несмотря на то, что парни с работы принесли ему и модем, и пейджер, а дел хватало, Кириллу было холодно и одиноко. За окном моросил нудный осенний дождь, Фонтанка поднималась и чернела. Машины расплескивали лужи и тормозили перед светофором. Иногда Кирилл выходил на улицу, в основном за сигаретами и газетами, поскольку продуктами его обеспечивали мать и проживающая около Сенной тёща. Потом Надежда уехала в командировку, и Кирилл остался почти один с телефоном.

Однажды вечером, когда осенняя ленинградская погода безжалостно выгоняет народ с улиц, Кирилл, опираясь на уже порядком поднадоевший костыль, в очередной раз отправился на угол. Едва он успел купить свежие газеты, сигареты и зайти в булочную, как пошёл дождь.

Перед переходом, где трамвай поворачивает с Вознесенского на Садовую, Кирилл достал зонтик, и неуклюже попытался раскрыть его, держа костыль подмышкой, а в другой руке авоську и зонтик. Сильный порыв ветра мешал ему, и Кирилл было решил оставить тщетные попытки укрыться от дождя, промокнуть и подсушиться дома, как кто-то тронул его за рукав: «Позвольте, помогу».

Он только кивнул благодарно. Девушка в мокром тёмном дождевике, с низко надвинутым капюшоном, несмотря на его слабый протест, взяла и сумку, и зонтик, и пошла рядом с ним, держа зонт так, чтобы Кирилл не промок, а идти было недалеко – до Фонтанки, и ещё пару домов направо. Кириллу было несколько неудобно, но что поделаешь!

Дошли до подъезда: «Спасибо большое, дальше я сам, а то, может, зайдёте обогреться?» – предложил Кирилл и обернулся на девушку. Тут ноги его подкосились, он выронил костыль, и упал бы, если бы она его не поддержала: «Вы!?» – «Я, а кто же?» – девушка удивленно рас- смеялась такому нелепому, на её взгляд, вопросу. Кирилл понял, что его не узнали. Медленно поднялись на его бельэтаж. Девушка сняла мокрый плащ и туфли и оказалась тёмных джинсах и плотном свитере. Кирилл поплелся на кухню ставить чайник. «Вы здесь один?» – спросила Ольга, когда он вернулся. «А что, не видно?» – мрачно усмехнулся Кирилл, и налил чаю – «У меня только пакетики».

От предложенного – у него был старый запас – коньяка в чай девушка не отказалась.

Скоро согрелись, и Ольга (видимо, что-то припоминая) спросила: «А вы меня, откуда знаете, – мне кажется, что я тоже вас где-то видела?» – «В электричке, вы мне ещё телефон дали. А я – Кирилл». – «Вот и познакомились! А телефон-то моей сестры Наташи, извините, я очень глупо пошутила! Мы – близнецы, и она часто пользуется моим именем, вот и я тоже».

Дождь закончился, и Ольга распрощалась с Кириллом, пообещав ещё навестить болез- ного. И действительно, через пару дней пришла, потом ещё и как-то раз осталась. Навсегда. Приходила тёща Надя, увидела Ольгу и сказала: «Я тебя понимаю, зятек!» А потом сказала, что познакомилась в командировке с хорошим человеком, он сделал ей предложение, и она собирается к нему в Нижний Новгород. Вот так всё пришло к благополучному концу.

Потом уже, когда Ольга была на шестом месяце, Кирилл случайно узнал, что Ольгина сестра-близнец умерла в раннем возрасте.

Но менять что-либо было поздно, да и не хотелось.

Эстонский вариант

Почти тысяча девятьсот дырявый год. Я – молодой оболтус, волею судьбы оказавшийся в топографической экспедиции в ещё советской Эстонии. Небольшой районный центр. Не смейтесь заранее – но почти как в анекдоте про чукчу. Короче, кровь бурлит, и я сподобился познакомиться с довольно-таки симпатичной аборигенкой, высокой, светленькой, носительницей, как теперь говорят, языка. Несколько дней ухаживания, кровь бурлит...

Девушка была чрезвычайно благовоспитанная, и я уж и не представляю, как мне удалось добиться расположения и склонить ее. После некоторого объема выпитого, искренних, как мне показалось, но немного холодных поцелуев, свет выключен, мы – на высокой, роскошной перине, со взбитыми подушками, постели, предназначенной для любви.... Я, было, собрался приступить к делу, несмотря на то, что опыта было мало, если честно, совсем никакого, а желания много, как вдруг услышал: «Меня э... пока нэлся. Поо-ка тэ-эвушка», и при этом, ласково поглаживая – ну, вы представляете, что. И одновременно натягивая чуть ли не до пяток длинную ночную сорочку.... Такой облом! А она продолжила, также спокойно: «Сэчас придет сестра. Ты её-ё э... нужно. Паташты».

И что вы думаете – вскоре та явилась. И, действительно, оказалось можно. Хорошенькая сестрица оказалась нежной, ласковой и вкусной. Уж не знаю, зачем ей это было нужно, и я остался благодарен ей.... Но это уже другая история.

В этом же городке

Экспедиция предполагала и соответствующую форму одежды, и кое-что более цивильное, но уж никак не пиджаки и галстуки. Посему мы были отключены от местных вечерних заведений, где специально, как я понял, для возможных русских, были сделаны таблички с надписью «Вход только в пиджаках и галстуках». Намёк понятный – пожалуйста, приходите, но только при условиях. Мы и не пошли, и не очень-то хотелось. Местные же, при полном параде, гордые и красивые, неспешно проникали в ресторанчик сквозь дверь, вежливо придерживаемую швейцаром в полном облачении. Мы же расположились на пригорке, и с полным достоинством поглотили любимую «Изабеллу». Для тех, кто не помнит – в то время мы, молодежь, да и старшие, не слишком жаловали сорокоградусную. За разговорами время пролетело незаметно, и мы, слегка подшофе, направились к себе на базу – обычную избушку на отшибе. Само собой разумеется, путь наш лежал мимо бара, двери которого не желали раскрываться перед нами. Но мы не пожалели, выбрав именно эту дорогу. Правда, пришлось перешагивать сквозь мычащие либо вообще обездвиженные тела. Ибо принятая на грудь доза не позволила горячим эстонским парням достойно покинуть заведение, и мало того, отойти от него на более-менее приличное расстояние.

Тёмные пиджаки и белые рубашки весьма гармонировали с асфальтом и придорожными канавами, притягивая окрестные пыль и грязь. И всё потому, что в городе была химчистка. Однако культура.... И позже мне вспомнились до бесчувствия напивавшиеся финны, приезжавшие на экскурсии в Питер.... Родственные души. Но, признаться, мы мало чем отличались.... Да ничем.

Через пару дней сестрица отъехала к себе в Хаапсалу – есть такой город, да, подарив мне ещё несколько незабываемых мгновений. Я же продолжал свои ухаживания за младшей, но больше – ни-ни. Но это меня не спасло. Местные несколько возражали, и посему мою физиономию постоянно украшали бланши. Я тоже не оставался в долгу. Расставание же наше – лето закончилось, началась учеба, было жарким и не обошлось без скатившихся по нежному девичью лицу слезинок.

Началась вялотекущая переписка, ни к чему не обязывающая, но случилось так, что на следующий год я снова попал в эту экспедицию. Конечно, пришлось подсуетиться – я понял, что влюбился и не могу без этой девушки.

Мы встретились, и, буквально через пару дней, свершилось то, о чём я мечтал ещё в прошлом году.

Она взяла меня за руку, и мы оказались на той же перине. Несмотря на то, что до этой нашей встречи она оставалась девушкой, уже не говорила «Нелься», и не звала на подмогу ни сестру, ни подружку.

Позже, то есть, через день, я спросил: «А что же тогда?» – «Я боялась. Мне было только пятнадцать. Почти. А я не хотела, чтобы ты уходил». А говорят, что эстонки холодны! Это у меня внутри похолодало. «А сейчас?» – «Сейчас почти шестнадцать, и было можно»...

Излишне говорить, что и в этом году моя физиономия зачастую напоминала боксёрскую грушу. Но это меня не останавливало. Правда, ребята сказали, что в нашей, российской, провинции, я бы так легко не отделался...

Однако прошло ещё пару лет, и она стала моей законной женой.

Сижу дома, жду водопроводчика. Взят отгул, я свободен, лениво почитываю книжку, и ничего не могу сделать – необходимо перекрыть воду, а подвал заперт на несколько замков, а ключ в ЖЭКе или у дворника. И, даже если вскроешь, чёрт разберет, какой это вентиль. Так вот, сижу я, отдыхаю. И тут звонок. На пороге – молодой человек примерно моего возраста, в кожаной курточке и с дипломатом. Типа, мол, я – сантехник, и в чём проблема. Я – в шоке, первый раз вижу сантехника-интеллигента. Не прошло и часа, как всё было в порядке, и я, как водится, предложил определённую сумму, по таксе, от которой тот, к моему изумлению, отказался.

Ну, а хотя бы выпить кофе с ликёром? Кто же здесь устоит? В итоге мы приговорили из нашего семейного стратегического запаса пару бутылочек. Причём не какого-то пошла, а дефицитнейших «Агнессы» и «Габриеля». Для тех, кто не помнит – в давние времена это были потрясающие ликёры эстонского производства, по тридцать и сорок градусов. Вкус – потрясающий, а действие на редкость коварное.... Особенно если смешать....

Говорили, что девушке в маленькую рюмочку до половины наливали «Агнесс», а парню – «Габриель». А потом он мог из своей бутылки капнуть в её рюмку. Если парень казался ей симпатичным, и ответ на ухаживания – положительным, девушка проделывала аналогичную процедуру. О чём я и рассказал своему собутыльнику. А потом мы добавили немного водочки, и всё пошло по накатанному пути....

Нашу идиллию нарушил звонок.... Мобилизуя последние силы, открываю дверь...

Вы не ошиблись, пришла жена. Коллега мой, ещё не утративший интеллигентного вида, но находившийся в должной кондиции, плетётся за мной, поправляя галстук и придерживаясь за косяк. Смотрит на мою жену, что-то в мозгу у него поворачивается. Он произносит «Агнесса!» и без чувств, как хлам, рухает к её ногам. Видно, у бедного произошла материализация образа, и оттого крыша съехала моментально. Но весь прикол заключается в том, что жену действительно зовут Агнесса...

– Уп-пери этту паталь, – акцент у Агнессы проявлялся лишь в состоянии резкого недомогательства и возбуждения, – а сам пыстро ф душ. Как эт-то у фас гофорят – прочистить мозги.... И польше не пить.

Самый же большой прикол заключается в том, что она позволила мне отправить эти приколы! В назидание молодым и ещё... Она категорически не согласна с тем, что эстонки холодны и безразличны, и постоянно убеждает меня в противном. А как – не скажу.

Зато с ревностью у них более чем в порядке. Но я не даю повода.

Маленькое приключение с сестрой осталось в далёком прошлом... Когда-то было можно, но сейчас даже за одну подобную мысль, я непременно схлопотал бы колотушкой по кумполу...

А мне это надо?

Павловск

Врагу не пожелаешь. Именно такой была ситуация, в которой я оказался на следующее утро после защиты диплома. Никаких подвижек не наблюдалось, обещанная мне аспирантура накрылась медным тазом, девушки – как не было, так и нет, работы и перспектив на будущее – никаких.

Подработка на кафедре тоже закончилась, осталось несколько случайных учеников, которым буду терпеливо вдалбливать недоученное ранее. И заниматься поисками работы. Через неделю смогу сколь угодно долго любоваться на корочки красного цвета, положенные отличникам, и свои накаченные мышцы. И всё. На помощь родителей рассчитывать не приходилось – они как-то ухитрились существовать на субсидии, выдаваемые в НИИ и на судостроительном заводе, и только. Они содержали дачу и старенький «Опель», и даже ухитрились иногда подкидывать мне на жизнь. Я жил один – бабушка переехала в двухкомнатную квартиру к родителям, и меня поселили в комнату в коммуналке на Загородном, напротив ресторана «Тройка» – мол, взрослый и устраивай свою жизнь. Одно утешало – соседи, ветхозаветные старушки, уже перебрались к родственникам, или уехали на дачу, и комнаты пустовали. Так что я был фактически единственным жильцом, но что из этого? Квартира нуждалась в срочном ремонте. Я не ленился, но мог лишь поддерживать относительный порядок.

Выходя из дома, я смотрел на себя в треснутое зеркало, повешенное в прихожей ещё при царе Горохе. И старался не унывать.

В конце июня установилась прекрасная погода, около тридцати и сухо. Сидеть дома и ждать получения на руки диплома с понятной разве что узкому кругу специальностью – «кинетическая термодинамика», скучно, и я отправился Витебский вокзал.

В электричках свободно, ехать дальше Павловска я не собирался, сегодня в программе – Пушкин, Павловск решил оставить на завтра. Время меня не лимитировало, могу гулять сколько угодно, ученики придут ко мне в понедельник, и я буду терпеливо вдалбливать в их головы простейшие алгебраические действия. А на что ещё способен обладатель красного диплома?

Утро выдалось солнечное, почти ни облачка. До Витебского вокзала несколько минут неспешной ходьбы. Взял с собой бутылку с водой, положил в пакет вчерашний батон – покормить уток возле водопада, и пошёл. Взял билет, ещё студенческий, и сел в электричку возле окошка – электричка Павловская, а народ стремится дальше, к дачным участкам. Электричка резко стартовала, мимо пробежали город, Шушары, поля, Пулковские высоты.

Основной контингент вышедших из электрички в Пушкине направляется в парк – парочки, родители с детьми, пенсионеры. Мне спешить абсолютно некуда, и я пристроился в хвосте колонны. Так и просочился внутрь вместе с группой туристов.

Сделал несколько кругов, посидел на лавочке, рассматривая преображающийся Екатерининский дворец, вдоль которого выстроилась длинная очередь, что-то отливало золотом, голубым цветом. Нет, скорее, лазоревым. Я был там несколько раз, но осенью, когда и туристов меньше, и погода предполагает.

Ещё один круг. Бутылка с водой становится легче. Останавливаюсь возле пруда – затончика с миниатюрной плотиной, перед озером – утки сбились в стайку и ждут подношения. Отщипываю от батона, крошу в воду. На угощение мгновенно слетается несколько уток. Тоже конкуренция.

Подходит девушка с маленьким мальчиком, он тоже хочет покормить уток, но нечем. Батон переходит в его ручки, малец доволен. Стою и наблюдаю, пока процесс не заканчивается. Мамаша уводит ребёнка по дорожке осматривать достопримечательности, я же направляюсь в противоположную сторону, топ-топ, мимо ресторанчика, вдоль озера с островком посередине. Хорошо. Мысли разваливаются, я даже не обращаю внимания на встречных девушек, расслабляюсь и не замечаю, как начинает сосать под ложечкой – ба, уже шестой час!

Допиваю воду, опускаю бутылку в урну, и направляюсь к вокзалу. Электричка минут через пять, это хорошо, покупаю «Советский Спорт», стаканчик крем-брюле, поезд останавливается, двери открываются, и я снова занимаю место у окошка, разворачиваю мороженое. Поезд трогается, сначала я просматриваю газету, чтобы потом углубиться в интересующие меня статьи. И вдруг слышу тонкий, немного надтреснутый смех. Поднимаю глаза, и вижу напротив не девушку-виденье, но молодую симпатичную женщину, в лёгком платьице, с коротким чуть рыжеватым перманентом.

Она улыбается и не отводит глаз:

– Простите, вы так аппетитно...

Я, естественно, смущаюсь. Что, советский человек не может спокойно съесть мороженое? На счастье, мимо проходит мороженщица с коробкой на ремне через плечо:

– Крем-брюле, шоколадное, трубочки...

Я злорадно достаю червонец, покупаю трубочку и протягиваю соседке. Та, на автомате:

– Спасибо. – Чисто автоматически, и не успевает отказаться.

Я могу торжествовать – в такой жаре мороженое неизбежно поплывёт, ей придётся доставать платочек, вытирать липкие пальцы. Невольно опускаю взгляд вниз – ровненькие загорелые ножки, туфельки на каблучках, но без задника; нога закинута на ногу, и они покачиваются. Оторвать взгляд сложно, да и зачем? Ножки – точёные, с едва заметными золотистыми волосиками, педикюр – в тон маникюру на столь же нежных ручках. И вдруг я понимаю, что женщина удивительно красива, непроизвольно краснею. Она же достаёт платочек, укладывает на коленки – столь же привлекательные, прикоснуться на мгновенье. Я схватил образ целиком и попал, но пока не осознал этого.

Всё-таки капельки тающего мороженого покидают оболочку трубочек. Я усмехаюсь про себя и вновь слышу так завороживший меня смех.

– Вы были в парке? – вопрос или утверждение.

– Да, только не часто случается.

Возможно, она видела, как я кормил уток, или отдыхал на скамейке, скинув кроссовки. Как-то неловко.

– Во дворец ходили?

– Нет. Просто гулял.

– А почему? – что она ещё могла спросить, по ходу дела?

– Учёба, диплом, – отвечаю как школьник, – и так, уже сколько раз бывал.

– А во дворце?

– Только осенью, когда меньше туристов, погода плохая и нет желания бродить по парку просто так. И нас водили, когда в ещё школе учился.

Она, наконец, доедает мороженое, задумывается, куда выбросить обёртку, я прихожу на помощи и кидаю её в пакетик, женщина вытирает ажурным платочком пальчики, облизывает губы. И снова улыбается. «Руки липкие», я пожимаю плечами – надо было не допивать бутылку до конца, и не выбрасывать. Но кто ж знал!

Женщина снова о чём-то спрашивает, я отвечаю, большей частью, невпопад. Электричка тормозит, Витебский вокзал. Неужели всё? Сейчас провожу до метро, вернее, просто дойдём вместе, и мираж исчезнет? Не мираж, а реальность. Я иду рядом, на каблучках она чуть ниже,

направляется к входу в метро, оборачивается – «Спасибо за приятную компанию», и явно собирается нырнуть в прожорливые недра.

Я глотаю слова, успеваю вымолвить одно:

– А я смогу вас увидеть? – даже не спросив имени.

Она. Разве что пожалеть на ходу. Хлопает меня ладошкой по руке – как обжигает.

– Вы поедете завтра в Павловск?

Я вспоминаю закон парности событий....

– Да, – странно, но именно такой план был у меня на завтра. Потом – Гатчина, Петродворец – в будни там не так многолюдно, меньше празднующейся публики, к которой я с полным основанием могу причислить и себя.

– И хорошо, часов в десять, одиннадцать. В Павловске. Я буду...

Заходит на эскалатор, не оборачивается. В голове шумит – я испытываю дотоле неизвестные ощущения – мне нужна эта женщина, прямо сейчас.

Не зря меня называют тормозом – увы, я часто силён задним умом. Почему я, почему не проводил её, или не попросил номер телефона? А теперь остаётся лишь надежда. А вдруг женщина всё же приедет?

Вечер, но жара не спадает. Покупаю в киоске – тогда их ещё не снесли – пару бутылок пива и отправляюсь, перейдя улицу Марата, в сквер за ТЮЗом. С собой ножа нет, срываю пробку о скамейку, и запузыриваю бутылку залпом.

Сижу, с пустой головой, дома никто не ждёт. Что там в холодильнике? Пельмени, масло и, кажется, остатки сметаны. На сегодня – достаточно. Туалет напротив, нужно освободить место для второй бутылки – для меня, если признаться, это как слону дробина – с моим-то ростом.

Возвращаюсь на прежнее место. Уютный скверик с клумбой в центре окружён со всех сторон рядами невысоких кустов, четыре прохода, четыре скамейки. На одну, напротив меня, устраивается плотный среднего роста мужчина, в костюме и рубашке с галстуком. Ставит рядом с собой дорогой кожаный представительский портфель, из которого извлекает баночку пива. Дёргает за ключик, прикладывается – мы встречаемся взглядами и чокаемся на расстоянии. Залпом выпивает банку, затем достаёт деловые бумаги и углубляется в чтение. Бог знает, что подвинуло его остановиться в этом скверике, разве что желание поразмыслить на природе, не выезжая за город.

Я же погружаюсь в свои чувства – ну вот, опять. Разве я мог быть интересен такой женщине? Дамочка прогулялась, поговорила с попутчиком, и до свидания. К тому же она старше. Сколько же ей лет? – этот вопрос не вставал, вставало нечто другое об одной мысли. Я покрутил головой – нет, нужно было выпить портвейна, чтобы, чтобы...

Я представляю, как усаживаю женщину на колени, обнимаю так, что ей не под силу даже шелохнуться, нежно целую, она отвечает.

И тут мои фантазии прерываются на самом интересном месте – в скверике появляются новые действующие лица, и это отнюдь не мамыши с колясками или праздные пенсионеры.

Из-за кустов выбегает троица и начинает прессовать соседа.

Что-то мне не по душе, когда трое на одного, не важно, почему и с какой целью. «Эй, мужики, вы что, охренели?» – сначала спрашиваю, привстав с насиженного места, сосед пытается отбиваться, но не слишком удачно, от численно превосходящих противников. «А ты сиди, падла, пока тебя не трогают, не то сам получишь в репу». Ну, это вряд ли. Я замешкался – а как же завтра? Но удержаться не смог. Идиоты, надевать в такую погоду кожаные куртки, и жарко, и драться неудобно.

Адреналина хватило, даже слишком. Я отдышался, напоследок попинав поверженных хулиганов. Мой визави, тоже весьма не хилого сложения, отряхнул костюм, поправляет галстук.

– Ты что вмешался? – я сказал, что думаю.

– Спортсмен?

– Да не очень, так, но драться не люблю, а подобных типов – ещё больше.

– А сам кто? – на меня во второй раз за день смотрели изучающе.

Мне скрывать нечего, как и терять, рассказываю.

– А как с работой, перспектива?

Я лишь пожал плечами – мол, сам знаешь, в какой ситуации страна.

– Так ты в понедельник позвони, – мне протягивают визитную карточку, – что-нибудь да придумаем, можешь и позже, время терпит.

В ближайшем ларьке купили по бутылочке ещё не испохабленного новыми хозяевами «Невского», поговорили. Я посадил своего нового знакомца на трамвай, тогда ещё ходил 34-й, и пошёл домой.

Не успел войти, как зазвонил телефон – а можно сегодня позаниматься? Вздыхаю, но что поделаешь, это мой заработок.

Убил на пару оболтусов два часа, получил гонорар в конвертах, что было весьма кстати.

Потом ещё один – звонок – ты что, забыл, что сегодня группа отмечает, только до тебя не дозвонится, приезжай.

Если бы не завтрашняя надежда, ничто меня не смогло бы удержать, отрываться от коллектива я ещё не привык, но... А быть где-то, когда перед твоими глазами прекрасный образ – я не мог. Отговорился, вот после вручения диплома – однозначно.

И ещё у меня была визитка, с адресом и телефоном. Возможность получить работу. Я решил позвонить в понедельник, но сейчас мое внимание было сосредоточено на одном. На одной женщине.

Едва дождался утра.

В половине десятого я сидел на лавочке под сенью Павловского вокзала. Ввиду близости и моих не афишируемых пристрастий, мне было знакомо почти всё – да, здесь выступал великий Штраус, и для кого был построен дворец, и как пройти незаметно, зайцем, и где туалеты, и куда ведут дорожки... И где есть укромные местечки – ну, относительно, ведь не только я обладал подобным знанием.

В музей я бывал не часто, память хранила даже детские впечатления. Сейчас же я ожидал прибытия каждой электрички, не представляя, как будет выглядеть женщина, из какого вагона выйдет, и метался по перрону, как борзая перед охотой. Ну, я не знаю ощущения собаки, просто представил, как.

В воскресенье электрички прибывают одна за другой, я внимательно сканировал выходящих из вагонов женщин. С каждым прибывающим поездом экспонента моих надежд устремлялась к нулю.

Но почему я решил, что она исполнит обещание? Если подумать, она вовсе ничего не обещала, а только попыталась успокоить. Хорошо, что я курил мало, иначе бы урны были до предела забиты окурками.

Периодически впадал в отчаяние, сменяемое надеждой по прибытию очередной электрички. Наверное, со стороны я представлял собой жалкое зрелище. Особенно, когда меня взяли под руку.

– Давно ждёшь?

– Да нет, только что приехал, – честно соврал я.

– Да? Ну, тогда пойдём, – женщина всё поняла, и только улыбнулась.

Мы идём по главной аллее, перебрасываясь ничего не значащими фразами. На дорожку внезапно выбегает белочка – их тут расплодилось, зимы тёплые, покармливают. Достая припасённый пакетик с орешками, выкладываю на руку – щекотно, пушистое создание моментально опустошает ладошку, прыгает и скрывается в ветвях. Съест или спрячет? Но я не задаюсь таким вопросом. Куда уж, когда рядом такая женщина. Сегодня она – в сарафане, с открытыми плечами, прикоснуться бы губами. Она могла гордиться своей фигурой. Туфли на шпильках сменила на удобные босоножки на платформе, сумочка на длинном ремешке – беленькая, застёжкой, в которую помещаются разве что кошелёк и носовой платочек.

Я делаю глубокомысленный аналитический вывод – женщина намерена погулять, и мы идём по традиционному маршруту к Павловскому дворцу. Никто, и мы, в том числе, не спешит. Слева остается стадион, карусели – народ, несмотря ни на что, выстаивает с детьми в длинной очереди, мы же следуем мимо, останавливаясь разве за тем, чтобы обозреть панораму нависающего над оврагом дворца. Здесь принять останавливаться. Просто красиво и необычно. Потом – по мостику и лесенке наверх, это тоже ритуал. Поддерживаем разговор, выходим, наконец, на площадь перед дворцом.

Рост благосостояния не населения, а страны выражается в том, что дворец окутывают строительные леса. Левое крыло уже успешно отремонтировано, и приняло цивилизный вид, а правое – пока обтянуто зелёной прозрачной сеткой, дабы неловкий строитель не свалился ненароком на голову празднующейся, в значительной степени иностранной публике. Или я ошибаюсь, и правым крылом надо называть не то, что с внутреннего въезда, дворики, где перед входом выстраиваются экскурсанты, пока не наберётся достаточная группа, и на площади важно шествует мнимая Екатерина с искусственными буклями и такой же карикатурный Пётр Первый.

Отсюда разъезжаются на колясках, запряжёнными весёлыми лошадами, досужие отдыхающие и туристы. Может, правой стороной является та, которая справа, если смотреть на дворец со стороны мостика или луга, подходя по аллейке, пересекая почти пересохшую речку, заполненную уточками.

Мысли сбиваются. И тут до меня, наконец, доходит, что я до сих пор не поинтересовался, как зовут мою бесподобную спутницу?

– Извините, – я решаюсь взять даму под локоток, – я же не знаю, как вас зовут, – и краснею, как помидор.

– Татьяна Владимировна, – как бы обозначая границу, – а тебя?

Так, дистанция установлена.

– Максим.

– Ну, и меня можно *на ты*, я пока ещё, – она усмехается про себя, и снова берёт меня под руку.

– Пойдём во дворец?

– В такую погоду, терять время в очереди? Нет уж, пробежка с экскурсией по залам актуальна только осенью, лучше погулять по парку. И без экскурсовода. Ты же всё и так знаешь.

Я не могу не согласиться. Мы рассматриваем выложенные на лотках сувениры – так, по привычке. Просто за компанию. Благостное, пусть и напряжённое состояние прервала отнюдь не гладкая речь двух шестнадцатилетних девиц. Татьяна сделала вид, что не заметила этого.

Осмелев, беру её за руку – опять пробивает электрический разряд.

Мимо проезжает запряжённая уставшей лошадей карета, мы отпрыгиваем в сторону, я теряю её руку, больше такой возможности мне не представляется. Татьяна улыбается, мол,

видишь как, мы идём по аллее дальше. Солнце поднимается к зениту, мы прячемся под неверную тень деревьев, сбиваемся с дорожки.

– Вот представляешь, мы здесь ходим, наслаждаемся, а двести лет назад, нет, больше. Император, со свитой и приближёнными.

– И придворными дамами, – вставляю я, – она согласно кивает, продолжая, – и кто-то следил за деревьями, регулярностью парка, ведь практически не осталось ни единого дерева с тех времён.

– Кроме дубов, и елей. А сосны живут около ста лет. А лиственницы – не помню, но долго.

– Наверное, подсаживали. И сейчас много молодых деревьев. И поросли – ивы, берёзки.

Мы проходим мимо расставленных по углам скульптур, не одни, экскурсантов и гуляющих прибавляется с каждой минутой. Хорошо, что по парку запрещено ездить на машинах. Но стоит свернуть чуть в сторону, как ситуация меняется.

Возле павильонов выстроились очереди, а мы спускаемся вниз, почти дойдя до края регулярного парка, где дорожки не так утопаны, подходим к пустой усыпальнице, заброшенный вид которой не сможет изменить ни одна реставрация, проходим по мостику, стараясь не задеть качающихся перил. Одну сторону уже успели отреставрировать – сделали некое подобие прошлого, загнав стальные профили внутрь цемента, вторая же развалилась от времени и от людей, желающих унести с собою кусочек культуры. Пусть многое – новодел, это известно, но всё равно интересно и занимательно.

Отдыхающие фотографируются, приняв достойные для запечатления позы, я только глупо улыбаюсь. Ибо желание насквозь пронзает меня. Но я боюсь не только обнять женщину, но даже снова взять за руку. Она идёт рядом, будто ничего не замечая, будто мы и в самом деле на экскурсии.

Меж тем мы поднимаемся выше, поворачиваем направо, ещё дальше вглубь парка. Я эгоист и мне не хочется ни с кем делиться своей радостью, любовью. К чему – нам и так хорошо, без объятий, прикосновений. Платонизм, если не считать того, о чём посторонним знать не следует. Правда, девушка об этом пока не догадывается. Или всё-таки чувствует?

Татьяна останавливается и протягивает руку – я понимаю, достаю горсточку орехов. Откуда ни возьмись, появляются вездесущие белки. Одна из них, ловко перелетая и планируя меж упругих лап вековых елей, опускается прямо перед Татьяной. Она, притворно пугаясь, прижимается ко мне, не убирая протянутой руки с пригоршнею орехов. Наглые меховые создания прыгают, насыщаются, берут про запас, пряча на зиму. Но мне ни разу так и не удалось отыскать белочий схрон – то ли они сами забывают тайное место, то ли добыча достаётся более пронырливым собратьям.

Мне нравятся белки, но я думаю только об одном – прижать к себе женщину и целовать до изнеможения.

– Здесь всегда их много, я люблю гулять, остановишься – белки тут как тут, правда, симпатичные? – она оборачивает и смотрит на меня.

Я вижу в золотых глазах весёлые искорки. Будто она не понимает, что со мной происходит. Нет, понимает. Выражение её глаз меняется. И голос тоже изменяет тембр, даже чуть дрожит.

– Так, да? Тогда пошли.

Она сама берёт меня за руку, несколько шагов – и мы оказываемся в полном одиночестве. Скамейка не видна со стороны дороги, даже удивительно, что она оказалась не занятой. Мы садимся рядом. Нет, не совсем – полметра разделяют нас. Минута, другая проходит в молчании.

Наконец, я решаюсь, и привлекаю женщину к себе. Моя рука опускается ей на плечи, она вздрагивает и... Целует меня. Вечность.

Я смотрю прямо перед собой, но не вижу ничего. И даже не чувствую, ну, почти – как ловкая ручка расстегивает молнию на моих брюках. Всё происходит настолько быстро и неожиданно, что я не успеваю среагировать. Но не могу управлять своим желанием, а оно – безмерно. Лишь глазу волосы склонившейся надо мной женщины.

Она достаёт зеркальце, наносит свежий слой помады. И всё? Прошло несколько минут, мы покидаем роковую и счастливую скамейку. Я ещё не знаю, что буду помнить всю сознательную жизнь – и эту скамейку, и окружающее нас, и эту женщину. Голограмма навечно отпечаталась в моём сознании. А она? Татьяна невозмутимо, абсолютно спокойным голосом, говорит со мной, словно продолжая экскурсию. Взяв меня под руку. Но как она может после этого?

Я пытаюсь обнять её, но встречаю такой взгляд, что подобная идея отпадает сама собой. А пульс прыгает, руки дрожат, я задыхаюсь и молю бога, чтобы она не заметила. Даже вчера, во время драки, я не испытывал подобного волнения.

Я наклоняюсь к женщине и шепчу:

– Я люблю тебя.

Она смеётся:

– Мне щекотно, но можешь поцеловать сюда, – она подставляет шейку, я едва прикасаюсь губами. Я готов умереть, но...

Я буквально теряю сознание. Будь я обезьяном, уволок бы женщину в вечнозелёные заросли тропиков. Но мы живём в ином мире. Грустно осознать, что больше эту женщину я не увижу. Никогда.

Действительно, всё. Она исчезает также внезапно, как и появилась. Я могу круглые сутки обшаривать окрестности, рыдать в отчаянии, но бесполезно.

В понедельник звоню и получаю работу. Не имеющую ничего общего с моей специальностью.

Но мне нравится, я чувствую удовлетворение, оказывается, я умею принимать быстрые решения, и не только применять силу. И посещение тренажёрных залов, и саун с девочками – тоже. Хотя девчонки мне безразличны, я только посмеивался. Однако... пришлось взять грех на душу и получить положительный отзыв, чтобы не смотрели косо и, не дай бог, и не причислили к меньшинствам. Производственная необходимость.

Потом уже отказ от участия в элегантных компаниях и оргиях я объяснял несчастной любовью, что было правдой, и коллеги-бандиты воспринимали это с пониманием. И одним конкурентом меньше. Убедившись в моей правильной ориентации, и, одновременно, спокойным отношением, меня, к вящему удивлению, стали приглашать на весьма интимные действия – потереть спинку или сделать лёгкий массаж.

Мне нравилось прикосновение к нежной коже, девочки не возражали, когда я несколько переходил границу дозволенного, и уже не стеснялись меня. Да и своих пацанов я разминал по полной схеме. Я ни у кого не учился, но – получалось. Правда, после подобных сеансов мне самому требовалось восстановление, но охват моих бицепсов лишь увеличивался. И малиновый пиджак пятьдесят второго размера казался маловатым.

А я старался, думая лишь о том, что, когда встречу женщину, буду уже состоявшимся человеком, достойным её любви. Построю дом или квартиру, и приведу женщину к себе. Именно это женщину, и никакую другую.

Меж тем я обязан вернуться в прошлое, чтобы быть честным перед собой – вы понимаете, мнение прочих мне абсолютно безразлично. Ведь никто не сможет ни обвинить, ни помочь успешному, продвинутому, накаченному.

Моё подсознание закрыто для других. Недоступно. Мои мысли – есть только его концентрация. Я вынужден существовать в этом мире, но без неё. Но ведь есть надежда.

После вручения дипломов мы собрались в кафе, затем переместились в соседнее, потом уже на чью-то квартиру. Утром я проснулся в обществе абсолютно голых однокурсниц, внезапно проникшихся ко мне расположением. Я не строил иллюзий – скорее всего, мой, так сказать, успех, объяснялся весьма прозаично, ибо не вязался с обычным обликом, – теперь всё, и можно оторваться в последний раз перед шажком в новую жизнь, или изрядной долей алкоголя, когда отказывают последние тормоза.

И я тоже вступил в очередной этап, где расстался с бесполезно внушаемыми моральными принципами, где не было ни сантиментов, ни доброты. Ни любви, ни женщин.

Финансовое благополучие открыло мне двери в аспирантуру, я был успешным бизнесменом, и меня приняли с распростёртыми объятиями. Шеф поддержал, и ближе к защите я занял высокое место в иерархии нашей фирмы. Малиновый пиджак отправился в шкаф, а я – в кабинет.

И моя жизнь пошла параллельными, не пересекающимися с прошлой жизнью, курсами.

Я жил, мечтал, надеялся, и был готов к любому повороту событий при неожиданной встрече. Но время шло мимо меня. Неужели наш город так огромен и беспощаден?

Пройдёт несколько лет, и однажды, находясь в душевном раздоре и смятении чувств, она случайно встретится с ним. Не узнает, и отдастся со всей страстью и безразличием...

Узнавание будет болезненным, с морем слёз и остановившимся сердцем. Искреннее изумление, взлёт и падение, и снова слёзы.

Она... не узнала? А потом – поняла? Семь лет, и ещё два месяца. Может быть, она всю жизнь искала меня, но судьба свела нас вместе только сейчас?

Стоит ли об этом спрашивать, возвращаться в прошлое, или не заморачиваться и с надеждой смотреть в будущее?

Перманентное убиение М

Убийство и убиение – синонимы. Убийство бывает преднамеренным, непредумышленным, по неосторожности, заказным и прочее. Убиение звучит гораздо ласковее, приятнее, с неким старинным налетом. Даже нежнее. Но всегда бывает умышленным, заранее задуманным, и неотвратимым, как исполнение приговора.

Посему исполнителей бывает несколько, зачастую они, как присяжные, не знают о существовании друг друга. А делают свое дело последовательно, не помышляя об убийстве, но сотворяя убиение. От этого действия не остается расчленённого трупа, не льётся кровь, душа не воспаряет в рай и не проваливается в ад. Она элементарно растворяется, и ты не замечаешь, что жизнь потихоньку покидает тебя, начинаешь хорохориться, вспоминать малейшие детали, казавшиеся ранее несущественными, из этих деталей складываются puzzle, и невозможно разобрать, реальная она, либо глупая пародия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.